

США И ЕС: КОНКУРИРУЮЩИЕ ПОДХОДЫ В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ

© 2018 г. **О.В. Приходько***
Статья поступила в редакцию 20.11.2017.

Избрание Д. Трампа на пост президента повлекло за собой изменения в внешней политике США, в том числе на китайском направлении. Подход новой администрации сочетает в себе ужесточение американской позиции по спорным проблемам в торгово-экономической сфере и усиление давления на Пекин по вопросу о северокорейской ракетно-ядерной программе, вплоть до санкций в отношении китайских компаний и банков, при одновременной демонстрации готовности искать развязки и находить взаимоприемлемые решения для предотвращения конфликтов в двусторонних отношениях. Подобная гибкость свидетельствует о преемственности администрации Д. Трампа канонам американской политики в отношении КНР, которые были заложены в эпоху Никсона – Киссинджера. ЕС, в отличие от США, в отношениях с Китаем придерживается других приоритетов, подчёркивая важность всестороннего развития отношений с будущей сверхдержавой для процветания Европы. Если Вашингтон рассматривает отношения с Пекином во многом с точки зрения геополитического соперничества и военно-политического противостояния, то европейские государства – преимущественно через призму торгово-экономических связей. Разная мотивация Вашингтона и Брюсселя, дисбаланс их связей с КНР, конкуренция американских и европейских интересов, проявляющаяся в борьбе за китайский рынок, препятствуют формулированию общей трансатлантической стратегии в отношении Китая.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, США, ЕС, Китай, администрация Д. Трампа

"Китайский вызов" для США и администрация Д. Трампа

Отношения с Китаем занимают важнейшее место в американской внешней политике независимо от того, кто побеждает на президентских выборах в США. КНР представляет собой вторую по величине экономику мира, государство с расширяющейся зоной геополитического влияния. Подъём Китая является стратегическим вызовом для США. Его национальный продукт вырос с 1980 г. более чем в 32 раза. Как ожидается, к 2030 г. китайская экономика превзойдёт американскую, и уже сейчас КНР продаёт больше товарной продукции в мире, чем США. Появляется всё больше подтверждений тому, что

* ПРИХОДЬКО Олег Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИСКРАН. Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3 (olegvladim@yandex.ru).

возвышение Китая влечёт за собой наиболее серьёзные последствия для глобального баланса сил и положения Соединённых Штатов в мире. Первые признаки американской обеспокоенности появились в конце президентства У. Клинтона, но явственно они стали проявляться после мирового кризиса 2008 г., который подтвердил устойчивость восходящей траектории движения Китая. Американская идея включения Китая в существующий миропорядок основывалась на презумпции, что интеграция этого государства в мировую экономическую систему поставит его перед необходимостью следовать правилам игры, которые были установлены в эпоху доминирования Запада. Однако мировой финансово-экономический кризис 2008 г. лишь укрепил убеждённость китайского руководства в необходимости изменения устаревших механизмов глобального управления.

Уже на протяжении длительного времени, которое охватывает период пребывания во главе США восьми президентов, американская политика в отношении Китая демонстрирует удивительную последовательность. В ней сочетаются стремление вести активный диалог с Пекином и взвешенный подход к урегулированию возникающих противоречий. В каждом избирательном цикле отношения с Китаем становятся одной из тем дискуссий кандидатов в президенты. Не стали исключением и президентские выборы 2016 г. В период предвыборной кампании Д. Трамп характеризовал Китай как источник многих проблем для США, а не только как виновника огромного дисбаланса в двусторонней торговле. Он обвинял КНР в нечестной торговой конкуренции, утверждая, что укрепление экономической мощи этой страны происходит и за счёт Соединённых Штатов. Правда, достаточно резкая критика Китая не была неожиданной, ведь она является характерной чертой американского политического дискурса в течение уже многих лет.

Избрание Д. Трампа привнесло свою специфику в американскую политику на китайском направлении. Хотя и У. Клинтон в 1992 г., и Дж. Буш-мл. в 2000 г. в своих предвыборных выступлениях позиционировали себя как сторонники жёсткой линии в продвижении американских торгово-экономических интересов и не скрывали политических разногласий США с Китаем, но и они понимали необходимость нахождения взаимоприемлемого баланса интересов двух стран. В предвыборный период и первые недели пребывания в Белом доме риторика Д. Трампа по китайской тематике отличалась резкостью обвинительного тона и противоречивыми сигналами относительно намерений нового президента. Однако затем агрессивность его высказываний пошла на спад, а стремление искать развязки в спорных вопросах с Пекином стало всё более чётко вырисовываться.

Победа Д. Трампа на президентских выборах открыла новый этап в американо-китайских отношениях – и не столько по формальным основаниям (приход новой администрации), сколько в силу особенностей взглядов нынешнего хозяина Белого дома. С одной стороны, президент обвинил Китай во многих бедах американской экономики и продемонстрировал готовность вступить в баталии с ним по широкому спектру вопросов, включая "манипуляции" Пекина с обменным курсом юаня, нарушение прав интеллектуальной собственности, "нечестную конкуренцию", порождающую огромный дефицит США в двусторонней торговле. С другой стороны, он отказался от политики насаждения либеральных

ценностей и муссирования правозащитной темы, характерной для демократов, что позволило убрать эти раздражители из американо-китайских отношений.

Внешнеполитическая философия президента Д. Трампа, воплощённая в его лозунге "Америка прежде всего" (*America First*), несомненно, способствует обострению американо-китайских противоречий, хотя возможность возникновения военно-силового кризиса в отношениях двух стран, конечно, не стоит абсолютизировать. Укрепление Китая не причисляется большинством американских политиков и экспертов к категории актуальных угроз безопасности США, а воспринимается как *долгосрочная* негативная тенденция. Тем не менее, можно предположить, что любой серьёзный конфликт с участием двух стран способен сразу же поменять эти оценки.

Д. Трамп назначил П. Наварро, известного своей критикой в отношении внешнеэкономической экспансии Китая, главой Национального совета по торговле. Выбор президента отражает его намерение реализовать планы по возрождению национальной промышленности, которые предполагают возвращение в страну многих производств, ранее вынесенных американскими компаниями в КНР. В какой-то мере выбор Наварро был уравновешен назначением губернатора Айовы Т. Брэндстеда, являющегося поборником активного развития двусторонних экономических отношений, послом США в Китае. Эти кадровые решения свидетельствуют о намерении Д. Трампа придерживаться всё-таки сбалансированного подхода, а не идти на поводу своих субъективных предпочтений.

С избранием Д. Трампа американская политика на китайском направлении по ряду аспектов стала более жёсткой по сравнению с политикой Б. Обамы. Под различными предложениями, включая и те, что не имеют отношения к экономике, а касаются ситуации вокруг Северной Кореи, Вашингтон пытается выбить у Пекина уступки по облегчению доступа на китайский рынок некоторых видов американской продукции (в частности говядины, сжиженного газа) и финансовых услуг, угрожая ввести защитные торговые ограничения. Во исполнение распоряжения президента от 14 августа 2017 г. глава Управления постоянного торгового представителя США Р. Лайтхайзер объявил через четыре дня о запуске официальной процедуры расследования в отношении торговой практики Китая на основании 301-го раздела закона 1974 г. "О торговле".

На КНР приходится более 60% суммарного внешнеторгового дефицита США. По данным статистической службы американского правительства, в двусторонней торговле этот показатель составил в 2016 г. 347 млрд долл., а за девять месяцев 2017 г. – 273,8 млрд долл.¹ Согласно сведениям Управления торгового представителя США (*Office of the U.S. Trade Representative*), объём американо-китайской торговли достиг в 2016 г. 648,2 млрд долл. Соединённые Штаты экспортировали товаров и услуг на 169,3 млрд долл., а закупили в Китае – на 478,9 млрд долл., что привело к дефициту американского торгового баланса в 309,6 млрд долларов². Эта ситуация, по словам президента Д. Трампа, является не-

¹ Trade in goods with China. Available at: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html> (accessed 20.11.2017).

² Office of the U.S. Trade Representative. The People's Republic of China. Available at: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china#> (accessed 11.08.2017).

приемлемой для США. Он квалифицировал огромный дисбаланс в торговле с Китаем как серьёзную экономическую угрозу для Соединённых Штатов.

В то же время КНР вновь стала крупнейшим кредитором американского правительства, отодвинув Японию на второе место. По данным агентства Рейтер, в первом полугодии 2017 г. Китай, ежемесячно увеличивая покупку ценных бумаг Казначейства США, приобрёл их на 114,9 млрд долл., в результате чего суммарный объём этих активов в его владении достиг 1,17 трлн долл.³ Сложные взаимоотношения кредитора и заёмщика между Пекином и Вашингтоном, тесное переплетение торгово-экономических интересов оказывает существенное влияние на двусторонние отношения независимо от того, какая администрация находится у власти в США. Взаимозависимость экономик двух стран является сдерживающим фактором, который препятствует перерастанию межгосударственных противоречий в острую кризисную стадию. Однако амортизационный эффект от совпадения экономических интересов не может служить абсолютно надёжной гарантией от конфликтов между ними.

Помимо торгово-экономических споров между США и Китаем существуют серьёзные противоречия в сфере внешней политики и безопасности. Выступая в январе 2017 г. на слушаниях в Конгрессе при утверждении своей кандидатуры на пост госсекретаря, Р. Тиллерсон резко критиковал действия Китая по созданию искусственных островов в Южно-Китайском море и высказывался в поддержку идеи блокады этих территорий. Министр обороны Дж. Мэттис вскоре подтвердил, что политика США в отношении спорных морских участков радикально не изменится. Одним из главных архитекторов политики администрации в отношении Китая был до своего увольнения в августе 2017 г. старший советник президента по политическим и стратегическим вопросам С Бэннон. Он полагал неизбежным в ближайшие 5–10 лет военный конфликт США и КНР в Южно-Китайском море, где китайцы превращают рифы, являющиеся спорными территориями, в насыпные острова со взлётно-посадочными полосами для боевой авиации и размещают вооружения. По его мнению, США не должны безучастно наблюдать за тем, как Китай наращивает в этом районе своё военное присутствие и создаёт на этих островах свои военные базы. Подобные алармистские настроения достаточно распространены на правоконсервативном фланге американского политического спектра.

Хотя вскоре после инаугурации Д. Трампа пришлось забыть о наиболее радикальных идеях, прозвучавших в его речах периода предвыборной кампании, крен в сторону более требовательного подхода в отношении КНР обозначился достаточно чётко. Ужесточение подхода касается преимущественно торгово-экономических отношений, однако и во внешнеполитической сфере, прежде всего по ситуации вокруг северокорейской ракетно-ядерной программы, Китай подвергается усиливающемуся политико-дипломатическому прессингу со стороны Вашингтона. Администрация Трампа рассматривает создание стратегического ядерного потенциала КНДР как самую большую угрозу для национальной

³ Corrected-update 1-China boosts purchases of U.S. Treasuries in July - data. Available at: <https://www.reuters.com/article/usa-treasury-securities/corrected-update-1-china-boosts-purchases-of-u-s-treasuries-in-july-data-idUSL2N1LZ1RN> (accessed 20.10.2017).

безопасности США. Интенсификация испытаний в рамках упомянутой программы в 2017 г. привела к тому, что северокорейская тема с подачи США стала ключевым приоритетом в американо-китайской политической повестке дня. Вашингтон дал чётко понять, что сотрудничество в деле обуздания ядерных амбиций КНДР является самым важным для него вопросом в отношениях с Китаем. По его мнению, Пекин потворствует северокорейскому режиму, предпринимая недостаточно усилий, чтобы принудить Пхеньян прекратить разработку и испытания ядерного оружия и баллистических ракет. США ввели санкции в отношении ряда китайских банков, компаний и физических лиц, обвинив их в сотрудничестве с Пхеньяном, которое нарушает резолюции СБ ООН.

Тем не менее, администрация Трампа скорее всего будет придерживаться более гибкого подхода в отношении Китая, чем это можно было ожидать исходя из предвыборной риторики президента. В ходе своего азиатского турне в ноябре 2017 г. Д. Трамп предложил посредничество в урегулировании территориальных споров в Южно-Китайском море между КНР и её соседями, рассчитывая на то, что Пекин поможет Вашингтону в разрешении "северокорейской" проблемы, хотя американский президент открыто не увязывает эти два вопроса. Высокая плотность американо-китайских контактов на межгосударственном уровне позволяет смягчать возникающие разногласия, препятствует их перерастанию в серьёзные кризисы. Переплетение торгово-экономических интересов США и Китая до определённой степени способно оказывать сдерживающее влияние на их соперничество за геополитическое доминирование и обретение позиционных преимуществ в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако этот фактор едва ли может служить универсальной страховкой от конфликтов между ними.

США исходят из того, что Китай стремится выстраивать новый миропорядок в противовес американскому доминированию, и первым плацдармом в этой борьбе является Восточная Азия. В декабре 2016 г. КНР ускорила темпы развёртывания военных систем на ряде спорных островов в Южно-Китайском море, демонстрируя своё отношение к враждебной риторике избранного президента Д. Трампа, несмотря на ранее данное обещание не милитаризировать насыпные острова. Она продолжила строительство искусственных островов на рифах и атоллах, расположенных на большом удалении от китайского побережья. На трёх островках в архипелаге Спратли китайцы построили взлётно-посадочные полосы для военных самолётов. На XIX съезде КПК в октябре 2017 г. Си Цзиньпин подтвердил, что "программа освоения" островов в Южно-Китайском море будет продолжена.

Вашингтон опасается, что Китай приобретёт способность контролировать судоходство по одной из наиболее оживлённых морских артерий, проходящей в этом районе Мирового океана. Характер военной модернизации Китая, прежде всего его программы вооружений для ВМС и ВВС, указывают на то, что он преследует цель создать потенциал, позволяющий удерживать тихоокеанскую группировку американских ВМС на максимально дальней дистанции от КНР. Это поставило бы под вопрос превосходство США в западной части Тихого океана, которое сохранялось на протяжении 70 лет. Открытие в августе 2017 г. первой китайской военной базы за рубежом (в Джибути) наряду с разработкой соответствующих типов вооружений, в том числе атомных авианосцев, свиде-

тельствует, что Китай создаёт потенциал и для глобального, помимо регионального, проецирования силы. Это косвенно подтверждается и тем, что в последние годы он стал проводить с Россией совместные военно-морские учения в разных морях, а не только в АТР (на Дальнем Востоке), в том числе в Средиземноморье и на Балтике. В сочетании с многочисленным составом китайских ВМС, насчитывающим 303 корабля, географическая диверсификация манёвров флота позволяет предположить, что КНР не собирается замыкаться на Южно-Китайском море, хотя этот район, связывающий Тихий и Индийский океаны, является для неё высшим стратегическим приоритетом.

В декабре 2016 г., уже после избрания Д. Трампа, командующий американскими войсками на Тихом океане адмирал Г. Хэррис, выступая в Сиднее, заявил, что США готовы защищать силой принцип свободы международной навигации в Южно-Китайском море. В апреле 2017 г. возобновились демонстрационные проходы кораблей американских ВМС через объявленные Китаем "идентификационные зоны" вокруг спорных территорий в этом районе, демонстрируя приверженность нынешней администрации политике обеспечения беспрепятственного доступа к данному региону, которой США неуклонно следовали в предыдущие годы. Как бы ни старался Д. Трамп позиционировать себя в качестве антипода Б. Обамы, он не может нарушить преемственность базовых установок американской стратегии в отношении КНР.

США стремятся активно противодействовать укреплению военных возможностей Китая в АТР, играя на опасениях его соседей. В последнее время официальный Вашингтон стал всё чаще оперировать расширенным понятием Индо-Тихоокеанский регион вместо АТР, что отражает его стремление включить Индию в баланс сил против Китая. По американской инициативе оживился четырёхсторонний диалог по безопасности между США, Японией, Австралией и Индией, где тема контрбалансирования в отношении поднимающегося Китая занимает центральное место, даже если она публично не формулируется в качестве таковой.

В противовес усилиям американской дипломатии Пекин ведёт активную работу по привлечению на свою сторону как можно большего числа государств АТР, используя в этих целях интеграционные настроения в Азии и заимствуя в своих региональных проектах идеи, созвучные ранее выдвигавшимся предложениям других стран Тихоокеанского бассейна. Однако, по мнению американского политолога Э. Файгенбаума, многие действия Пекина в АТР продиктованы экономическими интересами, а не соперничеством с США, и "Вашингтону нет необходимости рассматривать китайские инициативы, такие как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) или "Один пояс, один путь" как подрывающие американские усилия. <...> Азиатские экономики всё больше обращаются не к Западу, а друг к другу за инвестициями и экономическим сотрудничеством" [Feigenbaum E., 2017: 38]. Он предполагает, что к 2030 г. Азия будет представлять собой более интегрированную часть света, чем она была до прихода туда США после Второй мировой войны.

Однако большинство американских экспертов иначе оценивают ситуацию. В ряду усилий Китая по созданию системы многосторонних институтов, которые подрывают доминирующее положение США, они называют, помимо упомянутых региональных инициатив, его деятельность в рамках БРИКС и ШОС. И здесь мо-

тивом выступает не только стремление КНР конвертировать свои финансовые активы в инструменты для реализации внешнеполитических целей текущего этапа, но и долгосрочные стратегические расчёты, связанные с выстраиванием глобальной альтернативы американскому доминированию и с расширением собственного геополитического влияния. Подъём Китая ведёт к ослаблению влияния США в международных структурах глобального управления, созданных и функционирующих в соответствии с интересами западного сообщества.

Американские политические и экспертные круги об отношениях с Китаем

В американской политической элите и экспертных кругах наблюдаются заметные различия в подходах к отношениям с Китаем и в трактовке долгосрочных стратегических целей этой страны. Одна их часть, представленная преимущественно правоконсервативным флангом, убеждена, что КНР стремится к созданию нового миропорядка сообразно изменившемуся международному статусу страны, имея при этом неурегулированные территориальные споры на море с Японией и Филиппинами, которые связаны с США союзническими договорами, что предопределяет неизбежность американо-китайского конфликта. Другая часть политиков и экспертов полагает, что Пекин добивается, хотя и существенных, но не революционных изменений в существующей системе глобального управления, не ставит своей целью *полную* смену нынешней системы мирорегулирования, что оставляет пространство для достижения компромисса с ним, и предлагает не рассматривать все китайские инициативы по проблемам АТР или реформированию международных институтов исключительно в категориях противоборства двух стран.

Отношения между США и Китаем, по оценке многих американских экспертов, являются сегодня наименее стабильными за весь период после окончания холодной войны. Как точку отсчёта они берут мировой кризис 2008 г., после которого более явно обозначилось стремление Китая трансформировать экономическую мощь страны в укрепление своих военно-политических позиций в мире – в первую очередь в зоне жизненно важных интересов, начиная с прилегающего морского пространства. Китай стал решительнее продвигать свои национальные интересы в сфере региональной безопасности в АТР, особенно в том, что касается принадлежности спорных островных территорий в прибрежных морях, оспаривая право ВМС США неограниченно действовать в этих районах. По мнению американского политолога А. Фридберга, "Пекин уже чётко обозначил своё желание изменить определённые аспекты статус-кво в Азии. То, что он ещё не выдвинул полномасштабную альтернативную версию мирового порядка, едва ли может вызывать удивление, но этот факт не следует ошибочно принимать за его согласие с существующим миропорядком" [Friedberg A., 2015: 102].

Программная речь китайского лидера Си Цзиньпина на XIX съезде КПК 18 октября 2017 г. не оставляет сомнения, что Китай нацелен на достижение глобального военно-стратегического паритета с США. В американской политической элите и экспертном сообществе существует консенсус в понимании того,

что укрепление военного потенциала Китая и его активная политика в Азии бросают вызов главенству Соединённых Штатов в регионе. По мнению Дж. Линд, "политика Китая в последние годы вызвала обеспокоенность, что это государство стремится ниспровергнуть геополитический миропорядок, установившейся с окончанием холодной войны" [Lind J., 2017: 74]. Вместе с тем, она признаёт, что США, обвиняя Китай в подрыве миропорядка, сами всегда стремились изменить статус-кво к своей выгоде, продвигая принципы либерального мироустройства в различных регионах мира, включая Европу и Азию.

КНР и ещё пять государств ЮВА оспаривают суверенные права на ряд рифов и островков, разбросанных по Южно-Китайскому морю. Претензии на владение этими территориями таят немалый конфликтогенный потенциал, так как затрагивают не только национальную гордость, но и вполне осязаемые военно-политические и экономические интересы вовлечённых государств. США официально придерживаются нейтралитета в этом вопросе, не вставая на чью-либо сторону, но активно помогают заинтересованным странам ЮВА в наращивании их оборонного потенциала и оказывают им дипломатическую поддержку. Усиление военного присутствия КНР в Южно-Китайском море они воспринимают как её стремление установить контроль над этим районом Мирового океана.

Политолог Э. Ратнер, занимавший пост заместителя помощника по национальной безопасности вице-президента Дж. Байдена, отмечает, что "успех Китая в достижении этой цели явился бы сокрушительным ударом по американскому влиянию в регионе, склонив баланс сил в Азии в пользу Китая" [Ratner E., 2017: 64]. Под угрозой оказался бы доступ США к рынкам и ресурсам региона, возникли бы серьёзные препятствия для американских союзников и партнёров, была бы ограничена способность Соединённых Штатов проецировать военную силу и политическое влияние в этой части АТР. Э. Ратнер приходит к выводу, что "американская политика уклонения от рисков позволила Китаю установить почти полный контроль над Южно-Китайским морем" [Ratner E., 2017: 67]. Он полагает, что администрация Д. Трампа должна дополнить свою дипломатическую активность мерами по сдерживанию Китая, предупредив, что, если тот продолжит следовать агрессивной линии поведения в отношении спорных территорий, США откажутся от нейтралитета и будут всячески помогать государствам региона защищать свои притязания. По его мнению, нынешняя американская политика позволяет избежать военной конфронтации с КНР, но не сдерживает ползучее расширение китайской сферы влияния.

Американские политологи предлагают различные меры, которые, на их взгляд, позволили бы сдерживать продвижение КНР в Южно-Китайском море. По мнению упоминавшегося Э. Ратнера, в случае продолжения строительства Китаем искусственных островов и их милитаризации в Южно-Китайском море США могли бы оказать странам региона конкретную помощь в создании насыщенных островов на близлежащих рифах и размещении там военных баз, включая поставки туда (предпочтительно вместе с Австралией и Индией) специальных видов вооружений и техники для обороны этих владений. В случае упорства Китаем в следовании нынешней линии Ратнер предлагает заключить соглашения о развёртывании американских военных контингентов на островах архипелага Спратли в Южно-Китайском море, где Тайвань, Филиппины и Вьетнам

имеют свои военные базы. Однако упомянутые страны могут не пойти на такое сотрудничество из-за опасения экономических санкций со стороны Китая.

Не скрывая, что подъём Китая, укрепление его экономического и военного потенциала, расширение геополитического влияния на региональном и глобальном уровнях представляют собой долгосрочный стратегический вызов, Вашингтон всё же избегает употреблять на официальном уровне в отношении этой страны такое понятие, как сдерживание. Однако в американских экспертных кругах оно широко применяется, хотя и наделяется разным содержанием. *По нашему мнению, сдерживание означает ограничение возможностей Китая по противодействию США, затруднение для него доступа к технологиям и ресурсам, играющим ключевую роль в укреплении его военно-технического потенциала, максимальное сужение пространства для политического и дипломатического маневра в главных вопросах, вызывающих споры и разногласия между двумя странами.*

Американские политики и эксперты трактуют сдерживание Китая в довольно широких границах, выдвигая различные варианты этой стратегии. Рассматривая Китай как прямую угрозу США и существующему миропорядку, немногие из них, подобно сенатору Дж. Маккейну, предлагают следовать *жёсткой линии* и всеми средствами сдерживать растущую мощь этого государства. По мнению приверженцев неореалистской школы международных отношений (в частности, Дж. Миершаймера), главным элементом в реализации стратегии сдерживания поднимающегося Китая было бы включение как можно большего числа соседних с ним государств в альянс наподобие НАТО и противодействие попыткам Пекина проецировать своё влияние в удалённых регионах, включая Персидский залив и Латинскую Америку⁴. Однако реализуемость идеи создания в Восточной Азии альянса вроде НАТО, направленного на сдерживание Китая, вызывает большие сомнения, учитывая как исторические разногласия между Японией и Южной Кореей, так и клубок противоречий между самими странами АТР, а также их нежелание вступать в открытое соперничество с Пекином, памятуя о растущем китайском влиянии в делах региона.

Большинство американских политологов сходится в том, что необходимо следовать *сбалансированной политике*, гибко сочетая элементы сдерживания Китая с попытками достичь взаимоприемлемых соглашений с ним по спорным вопросам. Подобный подход исходит из презумпции, что Вашингтон сможет договориться с Пекином в рамках баланса сил существующего миропорядка. С точки зрения экономических условий возможности для компромисса ещё сохраняются. Однако меняющееся соотношение сил размывает то, что ещё вчера, казалось, могло служить основой для гармонизации стратегических интересов двух стран. Отражением этих изменений стало то, что в американских политологических дискуссиях практически сошло на нет обсуждение идеи американо-китайского тандема (*G-2*) в формировании нового мироустройства. Становится всё более очевидно, что никаких объективных предпосылок для эволюции системы международных отношений в этом направлении не существует.

⁴ John J. Mearsheimer. Can China Rise Peacefully? // National Interest, 25.10. 2014. Available at: <http://nationalinterest.org/commentary/can-china-rise-peacefully-10204> (accessed 08.07.2017)

Лишь очень немногие западные эксперты рассматривают как реалистичный сценарий возможность достижения стратегического согласия между США и Китаем, включая двустороннюю договорённость о модус вивенди для Восточной Азии. Обязательной частью такой сделки должно быть *результативное* участие Китая в решении северокорейской ядерной проблемы. Однако Пекин не проявляет готовности отказаться от поддержки КНДР, которая отвлекает на себя немалые силы и ресурсы США в регионе. Эксперт Центра китайских исследований в Калифорнийском университете (Сан-Диего) С. Шэрк напоминает, что "в течение последних четырёх десятилетий США вели дела с Китаем в духе осторожного оптимизма, полагаясь на сеть альянсов и партнёрств в Азии, чтобы действовать с *позиции силы* (выделено мною. – О.П.)" [Shirk S., 2017: 20]. Она призвала Д. Трампа придерживаться этой стратегии, а не обострять отношения с КНР, полагая, что чрезмерно жёсткая позиция, заявленная президентом, может привести к осложнениям – прекращению сотрудничества Пекина с Вашингтоном по глобальным проблемам, от ядерного нераспространения до изменения климата, а также к резким ответным экономическим мерам и даже военной эскалации. В то же время С. Шэрк советует давать отпор действиям Китая, которые наносят прямой вред США, даже если это сулит усиление напряжённости между двумя странами [Shirk S., 2017: 22]. Экономические санкции, по её мнению, должны быть узкоконкретными и возвратными, а не тотальным повышением пошлины на 45% на весь импорт из Китая, как обещал Д. Трамп в период избирательной кампании.

По мнению большинства американской политической элиты и экспертного сообщества, Д. Трамп ослабил позиции США в АТР, когда принял решение о выходе страны из соглашения по Транстихоокеанскому партнёрству (ТТП). Его критики утверждают, что этот шаг открывает дорогу установлению китайского экономического доминирования в регионе, создаёт вакуум лидерства, который Пекин не упустит возможности заполнить. Американский президент даже не стал предлагать изменения в ТТП, чтобы переформулировать не устраивающие его положения данного соглашения, как это он сделал в отношении Североамериканского пакта о свободной торговле (NAFTA), и не выдвинул никакой альтернативы многосторонней договорённости для АТР. Он не проявил интереса и к идее других участников ТТП возобновить переговоры для определения будущего этого соглашения, несмотря на то что Пекин старается активно продвигать свой проект "Регионального всеобъемлющего экономического партнёрства". Американские аналитики, в частности Р. Блэквилл и Дж. Хэррис, обращают внимание на то, что Китай, учитывая масштабы его экономики и степень государственного участия в ней, имеет преимущества в использовании экономической силы как инструмента национальной безопасности для достижения внешнеполитических целей. По их мнению, Китай является ведущим мировым игроком в сфере геоэкономики, ведь "многие страны опасаются не военной силы Китая, а его решений по вопросам торговых отношений и инвестиций" [Blackwill Robert D., Harris Jennifer M., 2016: 94].

Многие американские эксперты сходятся в том, что отказ администрации от ТТП, как и инициирование расследования в отношении группы стран ЮВА по подозрению в нечестной торговой конкуренции, подталкивает эти государ-

ства к ещё более тесным экономическим связям с КНР и, в конечном счёте, к вхождению в орбиту китайской стратегии [Huxley T., Schreer B., 2017: 82-83].

Откровенно эгоистический подход Вашингтона не может не отражаться на восприятии американской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Самоустранение США от лидерства в формулировании региональной повестки дня ведёт к уменьшению их влияния в АТР. В этих условиях, по мнению Э. Файгенбаума, "Соединённые Штаты должны найти способы, чтобы больше полагаться на своих союзников в качестве противовеса Китаю там, где они не могут или не будут выступать в этой роли самостоятельно" [Feigenbaum E., 2017: 39]. Примером является Таиланд, где после прихода к власти военных спад в отношениях этой страны с США сопровождался ростом влияния там Японии.

Укрепление геополитических позиций Китая в АТР, расширение его геоэкономического присутствия в Латинской Америке и Африке ведут к ослаблению влияния США в этих регионах. КНР служит для развивающихся стран, особенно для тех, которые находятся в сложных или напряжённых отношениях с США, альтернативным источником валютных кредитов, получая в обмен доступ к их природным ресурсам. Перечень этих стран достаточно обширен – Ангола, Венесуэла, Джибути, Иран, Камбоджа, Пакистан, Судан, Чад, Узбекистан и др. Ещё в 2009 г. Китай опередил США по объёму торговых связей с Африкой и стал крупнейшим внешнеэкономическим игроком в регионе.

Совпадения и различия в подходах США и Европы (ЕС) к отношениям с Китаем

Стратегические цели США и ЕС в отношении Китая во многом схожи – удержание растущей мощи этого государства в рамках миропорядка, сформировавшегося в эпоху американского доминирования; поощрение его вклада в рост глобальной экономики; сохранение глубокой интеграции КНР в мирохозяйственные связи и производственные цепочки западных компаний; воспрепятствование сближению с Россией. Однако о полном совпадении между США и Европой в понимании целей китайской стратегии говорить не приходится. Вашингтон и Брюссель расходились во взглядах на те или иные аспекты взаимоотношений с Пекином даже в недавнее президентство Б. Обамы, когда трансатлантические отношения были на подъёме. Эти различия во многом обусловлены геостратегическими оценками и подходами, которых США и ЕС придерживаются в отношении Китая. Они отражают разную мотивацию Вашингтона и Брюсселя, дисбаланс их связей с КНР, конкуренцию американских и европейских интересов, проявляющуюся в борьбе за китайский рынок. Вашингтон рассматривает отношения с Китаем во многом с точки зрения геополитического противоборства и военно-политического противостояния, тогда как европейские государства – преимущественно через призму торгово-экономических связей. По мнению европейцев, чрезмерно большое влияние на американский подход оказывает фактор соперничества, и он слишком завязан на стремлении к сдерживанию Китая.

Диаметрально противоположная реакция США и европейских государств на учрежденный Китаем в 2015 г. Азиатский банк инфраструктурных инве-

стиций иллюстрирует разницу их подходов. Вашингтон видит в нём конкурента Всемирному банку и экономическим структурам, которые были созданы по западным стандартам в эпоху американского доминирования. Однако ведущие европейские державы вопреки американским предостережениям вошли в состав учредителей АБИИ, что явилось провалом закулисных дипломатических усилий США, пытавшихся отговорить союзников от присоединения к китайской инициативе (исключением здесь стала Япония). Американская администрация указывала на то, что АБИИ не во всём соответствует западным нормам. Но, как отмечает Э. Файгенбаум, который занимался в Госдепартаменте проблемами Азиатско-Тихоокеанского региона, обеспокоенность Вашингтона по поводу стандартов АБИИ "маскировала геополитическую тревогу в отношении того, что этот банк является первым шагом в усилиях Пекина по созданию китаеццентричного миропорядка" [Feigenbaum E., 2017: 33].

Расхождение между США и Европой проявляется и в их различном понимании целей диалога с Китаем. Американские эксперты рассматривают трансатлантическое взаимодействие как способ оказания скоординированного влияния на принятие решений Пекином. Однако ЕС не воспринимает подъём КНР как угрозу европейским интересам в АТР. Он признаёт роль этого государства как одного из столпов формирующегося многополярного миропорядка. В отличие от США, которые делают ставку на сдерживание Китая, Европа, сознавая снижение своего влияния в мировых делах, готова искать договорённости с Китаем о том, как совместить его внешнеполитические цели с международными правилами и нормами. Она не претендует на роль провайдера безопасности в АТР, располагая весьма ограниченными инструментами воздействия на ситуацию в регионе. Бельгийский политолог Л. Симон отмечает, что лишь несколько государств Европы обладают ресурсами и возможностями, чтобы играть здесь хоть какую-то видимую военно-политическую роль, а "внутриевропейские разногласия, как вести дела с Китаем, представляют собой дополнительное препятствие для того, чтобы Европа могла следовать энергичному и сплоченному подходу в отношении этого региона" [Simón L. 2015: 971]. Ситуацию принципиально не изменила и договорённость о диалоге на высоком уровне между ЕС и АСЕАН по вопросам морской безопасности, миграции, кибербезопасности, борьбы с терроризмом и оргпреступностью, поскольку между странами Юго-Восточной Азии сохраняются внутренние разногласия, а возможности Европы влиять на региональный баланс сил очень ограничены.

В речи на Всемирном экономическом форуме, который проходил в Давосе в январе 2017 г., Си Цзиньпин позиционировал Китай как поборника свободной глобальной торговли. Китайский лидер привёл аргументы в пользу глобализации как источника экономического процветания. Однако Пекин выступает в защиту *именно экономической, а не политической либерализации*. Для поддержки усилий по экономическому проникновению в Европу в 2012 г. китайское правительство учредило специальный суверенный фонд "Инвестиционную корпорацию Китая" с первоначальным капиталом в 30 млрд долл. По мнению ряда западных политологов, с возрастанием роли КНР в европейской экономике "Европа может стать зоной соперничества между США и Китаем" [Bechná Z., Thayer B., 2016: 76]. В 2016 г. прямые китайские инвестиции в страны ЕС вы-

росли на 77% до рекордного уровня в 35 млрд евро, при этом дефицит Европы в торговле с КНР достиг 174,5 млрд евро, но она в отличие от США не переводит эту проблему в плоскость *политических* претензий к Пекину.

На официальном уровне Брюссель воздерживается и от критики Китая за то, что он проводит *обособленную* линию в отношении Центральной и Восточной Европы. Эта обособленность находит своё выражение в регулярных двусторонних саммитах КНР со странами ЦВЕ и проектах, которые китайская сторона реализует в регионе в рамках программы "Один пояс, один путь" без согласования с ЕС. Мощный приток китайского капитала в европейскую экономику, особенно в промышленность, стал заметным трендом последних лет. Однако устремлённость китайских инвестиций в сферу высоких технологий на Западе порождает тревогу у США и некоторых европейских лидеров, в частности у президента Франции Э. Макрона. Недовольство Вашингтона вызывают как сами поставки в Китай европейских технологий двойного назначения, так и то, что ЕС смотрит на это сквозь пальцы.

В сентябре 2017 г. США обратились к европейским союзникам за поддержкой своих усилий, направленных на то, чтобы заставить Китай прекратить нарушения прав интеллектуальной собственности и пересмотреть политику по вопросу трансферта технологий. Однако ЕС продемонстрировал нежелание присоединяться к американским мерам против КНР, проигнорировав призывы Д. Трампа. Брюссель дал понять, что не одобряет решение президента США использовать американское законодательство для расследования в отношении торговой практики Китая, так как видит в этом потенциальную угрозу принижения роли ВТО, которая призвана разрешать подобные споры. *Европа выступает против усиления протекционистских тенденций в экономической политике США и не желает участвовать в торговой войне с Китаем.* Вместе с тем, расхождение внешнеполитических приоритетов и интересов европейских государств сильно ограничивает возможности ЕС сформулировать консолидированную стратегию в отношении Китая.

Пекин учитывает разногласия между нынешней американской администрацией и Европой по северокорейской проблеме. Кризисная ситуация, сложившаяся в Восточной Азии осенью 2017 г. в связи с ракетными и ядерными испытаниями КНДР, показала, что европейские державы в отличие от США считают изначально неприемлемой саму идею попыток военно-силового разрешения конфликта, хотя они и поддерживали новые экономические санкции СБ ООН. Пекин, конечно, замечает эти нюансы, и готов играть на противоречиях между США и ЕС. На пике эскалации напряжённости вокруг Северной Кореи в сентябре 2017 г. китайский лидер Си Цзиньпин активизировал контакты с Германией и Францией, проведя срочные телефонные переговоры с канцлером А. Меркель и президентом Э. Макроном, в ходе которых апеллировал к конструктивной роли европейских государств в этой сложной ситуации как противовесу американскому давлению.

Дипломатическая активность ведущих внешнеполитических игроков в этот кризисный период показала, что позиция Европы по проблеме урегулирования ситуации вокруг КНДР сдвинулась ближе к Китаю, отдалившись от США. Евросоюз не может оставаться безучастным к тому, что происходит в АТР, учи-

тывая важность своих торгово-экономических интересов в этом регионе и растущую взаимосвязь Азии и Европы в результате китайской экономической экспансии, осуществляемой в западном направлении, которая будет только нарастать по мере осуществления мегапроекта "Один пояс, один путь"⁵. Брюссель не стал дублировать американские санкции, введенные администрацией Трампа против ряда китайских компаний, банков и физических лиц, которых Вашингтон обвинил в содействии военным программам и финансовым операциям Северной Кореи.

Заметные расхождения между США и Европой в восприятии "китайского вызова", порождённые различными причинами, о которых речь шла выше, объясняют, почему трансатлантическая координация политики в отношении Китая носит весьма ограниченный характер и почему Вашингтон и Брюссель следуют не единой линии, а параллельным трекам в диалоге с Пекином по борьбе с морским пиратством, вопросам кибербезопасности, глобального потепления климата и нетрадиционных вызовов (оказание помощи при катастрофах, обеспечение населения водой и продовольствием в кризисных районах).

Провозглашенное в 2003 г. "всеобъемлющее стратегическое партнёрство" между ЕС и КНР приобретает всё более разветвленную институциональную структурированность. В июне 2016 г. европейские власти приняли документ "Элементы новой стратегии ЕС по Китаю", предусматривающий более тесное двустороннее сотрудничество, которое охватывает не только торгово-экономические связи и глобальные вызовы, но и вопросы безопасности. Однако практический эффект от этих деклараций не стоит преувеличивать, учитывая обязательства ведущих европейских держав перед США по линии НАТО и G-7. В то же время, схожесть взглядов Пекина и Брюсселя на эволюцию миропорядка, который постепенно приобретает многополярную структуру, как и расширяющееся китайско-европейское взаимодействие по международным проблемам – от борьбы с международным терроризмом до проблемы изменения климата и ограничения выбросов парниковых газов, более тесное сочленение экономических интересов Китая и Европы – всё это ведёт к укреплению сотрудничества между ними.

В президентство Д. Трампа Китай стал для ЕС гораздо более близким партнёром, чем США, по таким вопросам глобальной повестки дня, как сохранение открытости мировой торговли и борьба с потеплением климата. При нынешней администрации в Вашингтоне у США и ЕС стало меньше предпосылок к согласованию общей стратегии в отношении Китая по сравнению с предыдущими годами. США и ЕС, поглощённые противостоянием с Россией и конфликтами на Ближнем Востоке, далеки от того, чтобы перейти к тесной координации стратегии на китайском направлении. Западные политологи тоже указывают на дефицит планомерных усилий Вашингтона и его европейских партнёров по гармонизации интересов, связанных с китайской политикой.

Когда в президентство Б. Обамы США провозгласили "разворот на АТР", перед европейскими государствами встал принципиальный вопрос: следует ли

⁵ На прошедшем в октябре 2017 г. XIX съезде КПК этот проект был официально включён в партийную программу.

Европе разработать собственную стратегию в отношении региона, консультируясь с американским союзником, или полностью положиться на США в вопросах безопасности АТР? Несмотря на то что в 2016 г. была одобрена стратегия ЕС по Китаю, а также то, что в новой внешнеполитической стратегии Евросоюза говорится о его готовности внести более весомый практический вклад в азиатскую безопасность, в том числе путём расширения партнёрства с Японией, Южной Кореей, Индонезией и другими государствами региона, ведущие европейские державы следуют собственной линии в отношениях с КНР и странами АТР исходя из своих национальных интересов. Отсутствие у ЕС согласованной стратегии в отношении Азии, с одной стороны, ослабляет стимулы США к координации с Брюсселем по вопросам региональной политики, а с другой – позволяет Вашингтону играть на разногласиях между европейскими странами.

Несовпадение мотивов, интересов и политических приоритетов США и Европы определяет границы их взаимодействия в отношении Китая и АТР в целом. Даже близость внешнеполитических мировоззрений Вашингтона и европейских союзников в президентство Б. Обамы не позволила преодолеть эти препятствия, а в нынешних условиях острых идейных разногласий между ними эта цель выглядит ещё менее реалистичной.

Какие тенденции могут возобладать в отношениях Запада с Китаем?

Политика американской администрации в отношении Китая за прошедший год после избрания Д. Трампа отличалась противоречивостью. Довольно жёсткие заявления перемежывались с примирительными декларациями, меры по ограничению в торговле – введение пошлин, антидемпинговые расследования, запрет на приобретение высокотехнологичных американских компаний, интерес к которым проявили китайские инвесторы, – сочетались с обещанием развивать двусторонние отношения, давление на Пекин по северокорейскому вопросу соседствовало с призывами к взаимодействию в решении проблем безопасности в регионе. Не внесли определённости в американский поход и переговоры Д. Трампа с Си Цзиньпином в апреле и ноябре 2017 г. Подобная переменчивость в позиции США может оказаться лишь кажущейся, тем не менее, трудно отрицать отсутствие у администрации чётко сформулированной, целостной стратегии в отношении АТР. Не вызывает сомнения лишь то, что Д. Трамп будет продолжать курс своих предшественников на сдерживание геополитической экспансии Китая.

Нынешняя администрация придерживается некоторых базовых постулатов американской стратегии в отношении Китая, которые уходят своим корнями в эпоху Никсона – Киссинджера, совмещение двустороннего диалога по широкому спектру вопросов (от безопасности до образовательных обменов) с различными мерами, направленными на ограничение возможностей Пекина по реализации его внешнеполитических амбиций. Стратегия сдерживания Китая осуществляется по нескольким направлениям, включая усиление американского военного присутствия в АТР, в том числе в Южно-Китайском море; укрепление силового потенциала союзников и партнёров в регионе в качестве

противовеса растущей мощи КНР; сужение пространства для геополитического маневрирования КНР путем включения государств, расположенных по периметру китайских границ, в западные структуры и зоны влияния. По мнению американских политологов Т. Хаксли и Б. Шриера, администрации Д. Трампа не следует идти на размен с Пекином и, в частности, признавать за ним сферы влияния в прибрежных морях Восточной Азии в обмен на сдержанность в других регионах [Huxley T., Schreer B., 2017: 85]. Вместе с тем, нельзя исключить, что подход администрации Д. Трампа может эволюционировать в направлении более широкого сотрудничества с Китаем и более терпимого отношения к его региональным проектам, если Пекин покажет, что не претендует на изменение баланса сил в АТР.

Отличительной особенностью подхода Д. Трампа являются попытки обременить Китай обязательствами не столько в рамках многосторонних институтов по поддержанию миропорядка, к которым новый американский президент относится откровенно скептически (хотя именно это делали США начиная с президентства У. Клинтона), сколько в формате двусторонних договоренностей. Нынешняя администрация возлагает больше надежд на использование инструментов экономического давления на Пекин. Она решила усилить это давление по различным направлениям, полагая, что замедление темпов роста экономики КНР и вызревание в этой стране серьёзных внутренних экономических проблем будут сдерживать её внешнеполитическую активность. Эти усилия предпринимаются преимущественно по линии двусторонних торгово-экономических отношений, поскольку Китай уже стал органичной частью глобальной экономики, и у США просто нет каких-либо возможностей ограничить его доступ к мировой экономической системе, как это они пытаются сделать применительно к Ирану. По мнению ряда западных экспертов, учитывая экономическую взаимозависимость двух государств, невозможно пытаться тормозить рост китайской экономики, не нанося ущерб интересам самим США. Как отмечает А. Фридберг, "потребуется сильный экономический кризис или военная конфронтация, чтобы вызвать фундаментальные изменения в американской политике в отношении Китая или разорвать связи, которыми обросли эти две страны" [Friedberg A., 2015: 98-99].

Авторы американской внешнеполитической стратегии рассматривают Китай в качестве "ревизионистского" государства, стремящегося к изменению миропорядка, сложившегося в эпоху доминирования США. Вместе с тем, наблюдается довольно заметный разброс мнений в вопросе о выборе адекватной политики в отношении КНР. Значительная часть американских аналитиков исходит из того, что нынешний миропорядок принёс существенные выгоды Китаю, позволил ему добиться высоких темпов роста экономики благодаря открытости мировой торговой системы и доступу на зарубежные рынки. Они не исключают, что КНР ради сохранения этих возможностей может ограничиться незначительными (косметическими) изменениями существующего миропорядка, а не претендовать на пересмотре его основ, базовых принципов и правил игры.

Американо-китайские отношения характеризуются, с одной стороны, растущим геополитическим и военным соперничеством, с другой – высокой плотностью экономических взаимосвязей. Стратегическая стабильность и между-

народная безопасность во многом зависят от того, в каком направлении эти отношения будут эволюционировать. Соперничество между США и Китаем уже сейчас вызывает эффект поляризации в международных отношениях, что особенно сильно проявляется в Юго-Восточной Азии и менее зримо – в регионе Индийского океана. Американский политолог Р. Каплан полагает, что администрация Д. Трампа должна стремиться к проецированию силы и влияния в "ближнем зарубежье" Китая и России в большей степени, чем это делал Вашингтон в президентство Б. Обамы, чтобы создать более благоприятный геополитический контекст для переговоров, не вступая в открытый конфликт с этими региональными державами [Kaplan Robert D., 2017: 14]. По его мнению, президенту следует избегать крайностей – слишком агрессивных действий в духе Дж. Буша-мл. и недостаточной активности, которая была характерна для внешней политики Б. Обамы. Близкой к нему точки зрения придерживаются американские политологи С. Брукс и У. Волфорт. Они считают, что США должны "избегать чрезмерно агрессивного характера диспозиции военных сил, даже когда на кону важные интересы, как в случае со всё более решительным поведением Китая на прилегающей к его границе территории", и быть готовы проявить терпение, реагируя на его усилия по милитаризации искусственно создаваемых островов в Южно-Китайском море" [Brooks Stephen G., Wohlforth William C., 2016: 101-102].

С избранием Д. Трампа сужается сфера совпадения американских и китайских интересов – от проблем безопасности в АТР до глобальных вызовов, будь то диспропорции в мировой экономике, потепление климата или появление новых информационных технологий. Подход нынешней администрации в соответствии с лозунгом "America First" может привести к откату назад во взаимоотношениях США и КНР. Вместе с тем, он едва ли способен разрушить устойчивый двухпартийный консенсус, на который опирается американская политика в отношении Китая в последние 45 лет. Заинтересованность в сотрудничестве с Китаем в урегулировании северокорейской проблемы подталкивает Вашингтон к смягчению официальной риторики, но и она не может поставить под сомнение американскую приверженность сохранению баланса сил в Восточной Азии в свою пользу.

Взаимные подозрения и недоверие между США и Китаем создают почву для возобладания логики конфронтации, которая, видимо, будет всё больше сказываться на их поведении в отношении друг друга. Американский политолог Р. Мерри полагает, что "Соединённые Штаты должны стремиться увести Россию от флирта с Китаем, который наблюдался в последнее время. Крепкие российско-китайские отношения не в интересах Америки. Китай является государством, которое обладает наибольшей силой, чтобы бросить вызов роли Америки в мире, выдавливая её из Азии назад к опорному плацдарму – Гавайям. Если напряженность между США и Китаем будет возрастать, что представляется вероятным в ближайшие двадцать лет, было бы чрезвычайно недальновидно и действительно безрассудно для Америки иметь враждебные отношения также с Россией" [Merry Robert W., 2017: 19].

При нынешней администрации американо-европейские разногласия в отношении КНР скорее всего усилятся. Сдвиг США в сторону более жёсткой

позиции в отношении Китая не встречает поддержки европейских союзников, которые рассматривают его как важного партнёра не только в экономике, но и по ряду проблем мирового развития. Повышение уровня конфронтационности в американской политике по отношению к КНР может повлечь неблагоприятные последствия для Европы, поскольку усиление американо-китайской напряженности в Восточной Азии дестабилизировало бы ситуацию в регионе и увеличило бы риски ведения торговых операций между ЕС и Китаем. Пекин в этом случае может искать поддержку у ведущих европейских держав, учитывая их большую заинтересованность в развитии двусторонних связей. Вместе с тем, напористый стиль администрации Трампа на китайском направлении, сочетающий элементы сдерживания и агрессивного торгово-экономического проникновения, – это ещё один повод для России пересмотреть свое зачастую благодушное отношение к собственным перспективам в АТР.

В президентство Д. Трампа уменьшились предпосылки к согласованию общей стратегии США и Европы в отношении Китая. Вашингтон ставит на первое место вопросы безопасности, тогда как ЕС обращает внимание прежде всего на возрастающую роль КНР в управлении глобальной экономикой. Противоречивые сигналы, исходящие от американской администрации, уменьшают для Европы стимулы к координации с ней своей политики в отношении Китая и подталкивают к самостоятельным шагам на этом направлении. *Европейские государства вынуждены признать, что в некоторых вопросах глобального развития, таких как защита открытости мировой торговли и борьба с потеплением климата, Китай перехватывает у США роль мирового лидера.* У ЕС может появиться желание по-новому взглянуть на возможности сотрудничества с Китаем в рамках "большой Евразии", включая налаживание диалога с ШОС, которую он доселе игнорировал.

Характер эволюции американо-китайских отношений за последнее десятилетие позволяет предположить, что на каком-то этапе геополитические противоречия между двумя странами могут приобрести антагонистический характер и взять вверх над сдерживающими факторами, в том числе над взаимной экономической выгодой. И тогда США придётся или уступить свои позиции в АТР, или вступить в конфликт с Китаем за сохранение статус-кво в регионе. Однако жёстко детерминированной предопределённости здесь нет. Понимание Вашингтоном и Пекином необходимости взаимодействия по ключевым вопросам мировой и региональной повестки дня пока перекрывает импульсы, порождаемые противоречиями между ними, которые в ином случае могли бы привести стороны к открытому силовому противостоянию друг с другом.

References

- Blackwill Robert D., and Harris Jennifer M. War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft. Cambridge, MA: Belknap of Harvard University Press, 2016, 384 p.
- Bechná Z., Thayer B. NATO's New Role // Naval War College Review. Summer 2016. Vol. 69, no. 3. P. 65-81.
- Brooks Stephen G., and Wohlforth William C. The Once and Future Superpower // Foreign Affairs. May-June 2016. Vol. 95, no. 3. P. 91-104.
- Feigenbaum Evan A. China and the World // Foreign Affairs. January-February 2017. Vol. 96, no. 1. P. 33-40.

Friedberg Aaron L. The Debate Over U.S. China Strategy // Survival. 2015. Vol. 57, no.3. P. 89-110.

Huxley Tim, and Schreer Benjamin. Trump's Missing Asia Strategy // Survival. June-July 2017. Vol. 59, no. 3. P. 81-89.

Kaplan Robert D. What Next for Donald Trump? (Symposium) // The National Interest, January-February 2017. P. 5-24.

Lind Jennifer. Asia's Other Revisionist Power // Foreign Affairs. March-April 2017. Vol. 96, no. 2. P. 74-82.

Merry Robert W. What Next for Donald Trump? (Symposium) // The National Interest. January-February 2017. P. 5-24.

Ratner Ely. Course Correction: How to Stop China's Maritime Advance. // Foreign Affairs. July-August 2017. Vol. 96, no. 4. P. 64-72.

Shirk Susan. Trump and China // Foreign Affairs, March-April 2017. Vol. 96, no. 2. P. 20-27.

Simyn Luis. Europe, the rise of Asia and the future of the transatlantic relationship // International Affairs, 2015. Vol. 91. no. 5. P. 969-989.

U.S.–EU: COMPETING POLICIES TOWARDS CHINA

(USA ❖ Canada Journal, 2018, no. 3, 21-39)

Received 30.11.2017.

PRIKHODKO Oleg Vladimirovich, Institute for U.S. and Canadian Studies Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3 Khleby per., Moscow, 121069, Russian Federation. (olegvladim@yandex.ru).

D. Trump's election in 2016 caused remarkable shifts in U.S. foreign policy, and America's relationship with China is no exception in this process. A renewed U.S. policy towards Beijing appears to be a mixture of tough measures primarily in trade and economic issues coupled with political pressure on the Chinese authorities regarding the North Korean nuclear and missile programs with simultaneous signs signaling Washington's willingness to settle disagreements and mitigate emerging discords. The European Union, as opposed to the United States, is inclined to pursue an open-minded attitude towards China emphasizing the importance of good relations and flourishing trade and economic ties with this future superpower for Europe's prosperity. The United States and the EU face a common challenge how to accommodate China's geopolitical and economic expansion in the world. However, they appear to lean to competing priorities in their relationship with Beijing, though the U.S. and Europe have a number of shared goals in dealing with it. The American and European diverging perceptions and views on China, mismatch of their stakes and leverages in the Asia-Pacific region prevent the transatlantic partners from forging a common strategy with regard to the Asian giant.

Keywords: the United States, the EU, China, the Trump Administration, the Asia-Pacific region.

About the author:

PRIKHODKO Oleg Vladimirovich – Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Center for Regional Studies.